

Сражение за поэзию

Поэзия стала нынче массовым увлечением молодых и немолодых людей, и это прекрасно. Были времена, когда стихи читали и слушали мало. Сейчас стихи — не только объект искреннего увлечения, но, в известной степени, и мода. Я вовсе не вкладываю в это слово негативное содержание. Хочу лишь сказать, что есть актеры, которые стремятся читать на концертной эстраде стихи именно ради этой моды, ради успеха, который она сама по себе способна принести.

Один из ведущих мастеров художественного чтения заслуженный артист республики Владимир Андреевич Ларионов не принадлежит к числу исполнителей такого рода, хотя нашел он себя, мне кажется, именно в чтении стихов. Он читает с эстрады шедевры русской, советской и мировой поэзии не для того, чтобы стихи «работали» на его успех, а чтобы самому сразиться за успех поэзии. Артист стал видным пропагандистом поэтического слова. В этом — главная, благородная и высокая его заслуга.

Бывает так: соберется вечером семья, каждый занят своим делом, кто-то читает книгу. И вдруг тому из членов семьи, кто читал, чрезвычайно понравилось какое-то высказывание автора. Что он сделает? Поднесет книгу каждому из родственников и

попросит посмотреть? Ничего подобного. Он скажет: «Постойте минуту, я хочу вам кое-что прочесть!» Ему захочется поделиться своим открытием, своей находкой со всеми сразу, ощутить реакцию каждого.

Именно с таким чувством выходит на эстраду Владимир Ларионов. Он не ставит перед собой задачу декламировать стихи, артист не хуже других понимает, что каждый может прочесть их сам. Ему хочется поделиться своей радостью от соприкосновения с поэзией, своим открытием в мире прекрасного, своим пониманием стихов, своим представлением об авторе и его лирическом герое. И тысячи людей, зная, понимая это, заполняют концертные залы Ленинграда, когда узнают из афиш, что читает Владимир Ларионов.

Как складывался путь артиста к чтецкой эстраде?

Природа наградила Владимира Ларионова хорошими внешними данными, которые еще в драматической студии Б. М. Сушкевича сулили молодому артисту сценическую карьеру героя-любовника. На сцене Нового театра, а затем Театра драмы имени А. С. Пушкина в облике его героев появились несомненные признаки характерности. Таковы были в исполнении Ларионова Фредди из «Пигмалиона», Паншин в «Дво-

рянском гнезде», Молчалин в «Горе от ума».

Творческую судьбу Ларионова на драматических подмостках нельзя назвать неудачной. И все-таки артиста потянуло к самостоятельному творчеству, к исполнению на эстраде произведений литературы. Он начал читать басни Крылова, встретился с режиссерами П. К. Вейсбремом и В. С. Чернявским, начал думать о больших программах. Переломной оказалась работа с режиссером Е. Н. Смирновой над первым литературным вечером по рассказам

Грина. Окончательно решила судьбу актера, его переход из драматического театра на литературную эстраду работа с тем же режиссером над чтецкой «транскрипцией» романа «Овод». Книга, воспитавшая тысячи молодых людей, указавшая многим дорогу, и привела Ларионова на литературную эстраду. Уйти из прославленной труппы академического театра, обратиться к самостоятельной работе — это был смелый шаг. Но артист верил в свое призвание стать чтецом, верил в своего режиссера Е. Н. Смирнову, в сотрудничество с нею, верил, что звучащая литература необходима людям.

Переход этот совершался отнюдь не легко и не просто. В драматическом театре иной актер может «продержаться» без новых ролей и год, и два. На эстраде такая «пауза» невозможна. Здесь приходится неустанно создавать всё новые и новые программы. Но как найти себя в новом жанре? Нельзя же брать подряд хорошие книги, делать композиции, читать с эстрады... Выбирая то или иное произведение, артист-чтец всегда должен спрашивать себя: а почему я беру именно эту книгу? Что в ней дорого мне и будущим слушателям? О чем именно собираюсь я говорить со слушателями на материале данного произведения? Когда чтец не ставит перед собой таких вопросов и не отвечает на них — тогда рождаются работы случайные, слабые, малонтересные, ничего не да-

ющие ни слушателям, ни самому исполнителю. А так бывает, к сожалению.

Ларионов начал искать. Он создал ряд литературных вечеров, совершенно различных по своему характеру: с вечером рассказов Мопассана соседствуют Ломоносов, Державин, Данте; с вечером, посвященным творчеству Хемингуэя, — Пушкин, Тютчев, Фет, Блок. Многие из этих программ Ларионов читает и сейчас. Мне все же кажется, что его «коньком» стали вечера поэтические, в которых Ларионов неповторим и незаменим.

В нашем филармоническом отделе Ленконцерта, где работает и Ларионов, есть редакторы, которые призваны помочь чтецу выбрать литературный материал. Есть, к примеру, прекрасные произведения литературы, которые, однако, нелегко дублировать, поручая их нескольким исполнителям. Есть произведения, которые может и должен исполнять определенный артист.

Ларионов, честно говоря, не пользуется помощью редакторов. И не потому, конечно, что считает себя опытнее их. Дело в том, что каждая программа для него — это не только литературный и исполнительский труд, но и поиск своего художественного кредо. Есть, вероятно, произведения, которые Ларионов не может читать. Но наверняка есть произведения, которые он не может не прочесть. Именно поэтому так стройны по форме, так соответ-

ЭСТРАДА

ствуют строгим требованиям художественного вкуса его программы, особенно поэтические, которые за последние годы превратились в звучащие антологии русской советской и мировой поэзии.

Многие думают, что опытный актер, сотни раз выходивший на сценические подмостки, давно уже не волнуется, когда видит яркий свет, бьющий ему в лицо, когда выходит — в данном случае один — на эстраду и, выжидая тишины, глядя в глаза людям, которых он видит в первый раз, начинает говорить с ними о чем-то для него и для них важном... Это — неверное представление. Скажу вам по секрету: и сегодня, после множества выступлений на концертных эстрадах десятков городов нашей страны, Владимир Андреевич Ларионов волнуется. Он волнуется, потому что, представляя нам любимых поэтов, хочет столкнуться в единике моды и любви, скуку и живую заинтересованность, равнодушие и горение. И каждый раз он должен победить начальную инертность зала, погруженность людей в иные, будничные заботы. Каждый раз он должен сделать все, чтобы победили заинтересованность, горение, любовь. Чтобы моду на стихи победила поэзия.

И поэзия побеждает.

Мария РАКОВА,
дипломант Всесоюзного
конкурса чтецов